

О.И. МАЛЮГИН
(МИНСК, БГУ)

**Н.М. НИКОЛЬСКИЙ И ПЕДФАК БГУ:
ОТ РУКОВОДИТЕЛЯ ФАКУЛЬТЕТА ДО «НАРУШИТЕЛЯ
ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ»¹**

Жизнь Николая Михайловича Никольского можно уверенно разделить на две части – до 1921 года и после. И водоразделом станет именно его согласие преподавать во вновь основанном Белорусском государственном университете. 20-е годы XX века в его жизни тесно связаны с преподаванием и административной работой в БГУ.

На педагогическом факультете Николай Михайлович Никольский проработал все 9 лет его существования – с момента создания в 1922 году до реорганизации факультета в Высший педагогический институт в 1931. Можно уверенно сказать, что становление педагогического образования в Беларуси происходило при непосредственном и весьма деятельном участии Н.М.Никольского.

Работать в Минске Никольский начал с октября 1921 года, будучи утвержден профессором по кафедре истории религии факультета общественных наук. В это время он продолжал постоянно жить в Смоленске, где являлся ректором ИНО, а затем и ректором Смоленского университета.

Переезд в Минск состоялся в начале лета 1922 года, после чего Н.М. стал гораздо активнее участвовать в делах вновь создаваемого педагогического факультета. Уже 27 июля 1922 года он председательствует на заседании предметной Исторической комиссии (среди прочего распределяли сумму в 30 долларов между кабинетами ФОН) [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 753. Л. 6]. А 14 августа 1922 года на основании циркуляра Главпрофобра Наркомпроса РСФСР Н.М.Никольский был назначен заместителем декана вновь создаваемого педагогического факультета БГУ по этнолого-лингвистическому и социально-историческому отделениям [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 10. Л. 29].

На протяжении почти двух лет он был заместителем декана и зачастую исполнял функции самого декана, так как назначенный деканом Всеволод Игнатовский, являясь наркомом просвещения республики, редко принимал участие в повседневных делах факультета. Он возглавляет заседания деканата, является председателем Совета факультета, выступает на заседаниях Правления БГУ, в том числе и с отчетными докладами о работе педфака.

На торжественном заседании в октябре 1922 года, посвященном первой годовщине БГУ, в программе значилась академическая речь профессора

---

¹ Публикуется в авторской редакции.

Никольского на тему, «избранную им по своему усмотрению» [3, 144]². Вновь Никольский выступает на заседании Совета университета в декабре 1922 года, затем – делает доклад о работе факультета в 1923 году.

В связи с нехваткой преподавательского состава у Н.М.Никольского в те годы была большая педагогическая нагрузка. К примеру, во второй год работы БГУ (1922/23 учебный год) он читал курсы по истории Востока, раннего христианства, истории Израиля и древнееврейской литературы. Кроме того, добавились практические занятия – семинар по Пятикнижию и просеминар по истории Востока.

В своей административной работе Н.М.Никольскому приходилось решать много самых разных проблем – от нехватки канцтоваров до конфликтов среди профессорско-преподавательского состава. Некоторые из них поистине сотрясали факультет.

Один из самых громких конфликтов подобного рода – это дискуссия, громкая и нелицеприятная, вокруг кандидатуры И.В.Волк-Левановича [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 761. Л. 15-20]. Эта дискуссия состоялась 1 февраля 1924 года на заседании Совета этнолого-лингвистического и социально-исторического отделений, где Волк-Леванович делал доклад на право чтения лекций по кафедре истории белорусского языка. О накале страстей можно судить по словам И.Лёсика, который заявил до начала доклада, что «белорусское общественное мнение в его лице возражает против поручения курса истории белорусского языка ассистенту Волк-Левановичу, ибо он, по его мнению, не знает белорусского языка» [Там же, л. 15]. Н.М.Никольскому, который председательствовал на Совете, пришлось переводить дискуссию в научное русло, указав, что «что Волк-Леванович прошел все избирательные инстанции и утвержден ассистентом; вопрос о знании или незнании им белорусского языка будет виден из доклада, который предстоит ему прочесть в сегодняшнем собрании Совета» [Там же]. После продолжительной дискуссии мнения членов совета разделились и большинство, став на сторону Волк-Левановича, проголосовало за признание доклада удовлетворительным. Против было подано два голоса, и это были голоса двух студентов, а противники из числа преподавателей не приняли участия в голосовании [Там же, л. 20].

В эти годы Николай Михайлович уделяет внимание и укреплению кадрового состава нового факультета. Так, к примеру, в декабре 1922 года на заседании деканата он предлагает кандидатуру В.К. Шилейко, одного из самых талантливых ассириологов России, для замещения вакантной кафедры семитской филологии [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 753. Л. 40]³. А 2 мая 1923 года на заседании Правления БГУ, делая доклад о вакантных кафедрах, предлагает назначить на кафедру археологии московского профессора Готье

---

² Темой своего выступления Никольский выбрал «Религия как предмет науки», во многом определившей научные изыскания Никола Михайловича на ближайшие годы. В следующем году текст его выступления был опубликован отдельной брошюрой [1].

³ К сожалению, архивные материалы не позволяют установить причину, почему это назначение не состоялось.

[НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 75. Л. 42об]. Конечно, не все предложения Никольского удалось воплотить в жизнь, но его роль в привлечении новых преподавателей на факультет огромна.

Весной 1924 года состоялось назначение Н.М.Никольского деканом Педагогического факультета. На этой должности он проработал 2 года – до весны 1926 г. В этом вопросе также нет полной ясности. Часто встречается 1923 года как время, когда Н.М.Никольский стал деканом педагогического факультета [3, 253]. В тоже время вплоть до начала весны 1924 года председательствует на заседаниях деканата В.Игнатовский, в случае выступления Н.М.Никольского он именуется заместителем декана. В личном деле Никольского содержится выписка об утверждении его в должности декана – май 1924 г. [Архив БГУ. ЛД-Св 1/21, л. 29] Любопытно, что если в ранних автобиография Н.М. указывает годы своего деканства с 1924 по 1926, то в более поздних – уже с 1922 по 1926⁴.

Процедура выборов деканов и их заместителей в те годы была весьма демократичной. Видно это и на примере Н.М.Никольского. Так, 13 июня 1925 года состоялись пере выборы декана педагогического факультета – на общем собрании его сотрудников. На этом собрании присутствовало 34 человека. В архивном деле сохранился лист подсчета голосов – в результате Н.М.Никольский набрал 28 голосов и был переизбран деканом еще на один год. Вторым шел Е.Успенский (23 голоса), и он сохранил за собой должность заместителя декана. У восьми других профессоров и преподавателей оказалось от 1 до 7 голосов [НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 798. Л. 175-177].

Практически на всем протяжении 20-х годов подавляющее большинство профессоров и преподавателей оставались беспартийными (И Никольский тут не исключение). Отношения между профессурой и немногочисленными коммунистами не были безоблачными. Тут любопытен один документ – протокол заседания актива партработников БГУ от 3 декабря 1925 г. На нем выступающие партийцы критиковали профессуру университета, ее авторитет среди коммунистов. Указывались и причины такого состояния дел: «Профессура смотрит на коммунистов как на мертвых душ, ничего не делающих, неаккуратных и неуспевающих. Образование коммунистов однобокое. Зачеты не сдаются, а пекутся. Специалистов с нас не будет» (Т.Красневский), «Если выделяется коммунист в научные работники, то стоит больших усилий его провести. Ибо он слабо подготовлен и профессура его кандидатуры не поддерживает, а также не желает работать

---

⁴ В автобиографии, написанной 12 января 1935 г. – “Назначенный в августе 1922 г. заместителем декана вновь открывавшегося тогда Педагогического ф-та, а затем, с осени 1923⁴ *по весну 1926 г.* – деканом, провел очень большую и трудную работу по организации преподавания и вспомогательных учреждений – кабинетов и лабораторий, ведя в тоже время профессорско-преподавательскую работу (сначала курсы истории востока, истории Израиля и израильской литературы, истории религии, а затем также истории доклассового общества и античного мира)” [НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 145. Л. 3.]

с ним как с неквалифицированным работником» (т. Шапиро). [3, 206]. Правда, критикующие не озвучили ни одной фамилии – обвинения были огульными, но явно имели под собой основания⁵.

Новые перевыборы декана Педагогического факультета состоялись 19 мая 1926 года на Пленуме предметных комиссий факультета. После доклада ректора о работе факультета за 1925/26 учебный год Пленум принял резолюцию, в которой, в частности, отмечалось: “нягледзячы на ​​неблагопрыятныя аб’ектыўныя умовы, Пэдфак вырас, акрэп дзякуючы энергічнай і неустанай працы Дэкана яго М.М.Нікольскага, за што выносіць яму сваю вялікую падзяку і прызнацельнасць. Разам з гэтым пленум ня можа не адзначыць дружную працу ўсяго дэканату, працякаўшым пры агульным падтрыманьні ППС, студэнцкіх, партыйных і савецкіх арганізацый” [НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 830. Л. 135]. Новым деканом был избран М.Пиотухович, и в этом избрании отразилась политика белорусизации среди руководящего состава университета. Никольский же был избран членом деканата педагогического факультета⁶

Так закончился первый этап работы Н.М.Никольского на педагогическом факультете БГУ – который можно назвать “административным”. С июня 1926 г. он остается просто профессором, хотя в первые пару лет еще является членом деканата и заведует социально-историческим отделением. В 1927 году Николай Михайлович входил в состав Месткома БГУ и в этом качестве посещал заседания Правления.

С 1928 года являлся заведующим кафедрой (но по документам невозможно установить, какой именно). Только косвенным образом можно судить, что он возглавил укрупненную кафедру истории Запада.

Этот период характеризуется постепенным сворачиванием на факультете преподавания ряда исторических дисциплин, что напрямую затронуло и Николай Михайловича.

Научные и преподавательские заботы часто отходили на второй план – период был тяжелым, голодным, хотя ситуация в Минске была получше, чем в центральных районах РСФСР. Много проблем создавал «квартирный вопрос». Домов для размещения преподавательского состава в Минске катастрофически не хватало.

---

⁵ Ситуация, общая для большинства университетов в 20-е годы. Р.А.Никольская вспоминает о своем первом курсе в КНУ (1927 г.): «На нас, студентов рабфака, смотрит несколько снисходительно, более пренебрежительно» (об академике Грушевском), «Старая профессура, не очень довольная первым массовым набором из среды рабоче-крестьянской малообразованной молодежи, читала свои лекции как всегда» [2, 115].

⁶ По результатам голосования видно, что он пользовался авторитетом среди сослуживцев. В заседании принимало участие 73 сотрудника и студента. Никольский вместе с профессором Блюдоху получил максимально количество голосов – по 72 (т.е. проголосовали все, кроме него самого). Пиотухович, к примеру, получил только 65 голосов, а И.Замотин – 52 голоса.

Первоначально Н.М.Никольский был поселен в служебной квартире по Университетской улице – в «холодном учебном корпусе» Дома № 3 БГУ, где условия для жизни были весьма спартанскими – приходилось самому заботиться о возведении дополнительных печек и ремонте кранов⁷. Почти сразу же после прибытия Н.М.Никольский был поставлен на получение «денежного академического обеспечения» от БелКУБУ (Белорусской комиссия по улучшению быта ученых) [4, 369].

В итоге профессор не менее четырех раз менял место жительства, переезжая из одного дома БГУ в другой. Но самая сложная ситуация сложилась в 1925 году. Об этом ярко свидетельствуют сухие строки сентябрьского письма в Главпрофобр, подписанного заместителем ректора Слонимом: “У сучасны момант Унівэрсытэт перажывае вельмі востры кватэрны крызіс, т.к. большасць прафэсароў аказалась цалкам без памяшканьяў. Прафэсара ПЕРЦАУ і НІКОЛЬСКІ, якія раней жылі у будынку Камвузу, у пачатку лета павінны былі адтуль выйсьці для таго, што у гэтым будынку павінен быу правесцься рамонт, і ен неабходзен Камвузу. Да сучаснага моманту яны кватэр ня маюць і часова туляцца у пакоях знаемых. Акрамя таго, вельмі адчуваюць патрэбу у кватэрах прафэсара: РУБАШОУ, ВАСІЛЕЙСКІ, БЯСТУЖАУ, ГАУСМАН, а таксама неабходны кватэры для запрашаных з Ленінграду на Мэдфак прафэсару ЛЕНЦУ і з Адэсы на Пэдфак – прафэсарц БУЗУКУ, якія ня могуць пераехаць у Менск да пачатку вучэбнага году, за адсутнасцьцю для іх памяшканьяў. Такім чынам, калі Унівэрсытэт не прадаставіць прафэсарам кватэр, то ен можа страціць вельмі каштоўных для сабе навуковых працаўнікоў” [НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 182. Л. 47]. Письмо возымело свое действие, и в конце сентября Н.М.Никольскому были предоставлены три комнаты в доме № 4 БГУ (угол Университетской и Володарского) [НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 170. Л. 82]. Последним по счету переездом за это бурное десятилетие стал в квартиру в доме № 33 по Советской улице, откуда в 1929 году выехало Правление университета. Здесь семья Н.М.Никольского прожила до конца 40-х годов. С этим переездом связан любопытный факт. 18 ноября 1929 г. Правление рассматривало счета за переезд в новые квартиры по ул.Советской, 33, представленные профессорами Никольским, Прилежаевым, Вознесенским и Федюшиным – они просили, чтобы расходы по переезду были отнесены на расходы университета. В итоге Правление постановило удовлетворить заявления три профессоров из четырех: “Прымаючы пад ўвагу, што прафэсары Вазнясенскі, Прылежаеў і Федзюшін былі пераведзены з прычыны таго, што памяшканьне па Шырокай вуліцы было неабходна для Навукова-Дасьледчага Ін-ту, выдатак на пераезд прыняць за кошт Праўленьня; што датычыцца праф. Нікольскага, то ў выдачы яму 30 руб. Адмовіць, бо ён перасяліўся паасабістаму жаданьню.” [НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 374. Л. 28].

---

⁷ НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

Серьезные перемены в жизни Н.М.Никольского начинаются с 1928 года, и это напрямую связано с изменениями в жизни всего Советского Союза.

Последнее отмеченное в архивных документах участие Никольского в крупных мероприятиях БГУ – осень 1929 года, когда он был избран в состав Президиума общего собрания научных сотрудников БГУ. Главным вопросом на этом собрании были выборы нового ректора (им в итоге на безальтернативной основе стал Я.П.Кореневский)⁸.

Вслед за этим последовала кампания по очистке студенческих рядов от идеологически чуждого и враждебного элемента, реформа преподавания (пятидневка, переход к активным методам преподавания), начались гонения на профессоров и доцентов.

Судя по всему, это встретило сопротивление ряда преподавателей (по крайней мере, пассивное). Судить об этом можно по циркулярному письму ректора от 13 марта 1930 года [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 373. Л. 30-35]. В нем Кореневский прямо обвиняет ряд сотрудников (не называя их по именам) в саботаже его распоряжений: “Мы назіраем адначасова з боку некаторых прафэсароў і дацэнтаў скрытае супраціўленьне пераходу на новыя мэтады, якое прымае часам форму сапраўднага сабатажу.

Пры пераходзе на актыўныя мэтады некаторыя прафэсары пачынаюць вадносіцца фармальна да сваіх абавязкаў, зьнімаюць з сябе фактычную адказнасць за прахаджэньне студэнтамі курса, падпісваюць заліковыя кніжкі студэнтам, якія нічога ня ведаюць, заяўляючы пры гэтым, што адмена залікаў іх пазбавіла магчымасьці кантраляваць, што яны умываюць рукі і г.д. З гэтым сабатажам трэба пакончыць зараж жа. Гэты сабатаж іначай, як свядомае шкодніцтва справе падрыхтоўкі кадраў расьценьвацца ня можа” [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 373. Л. 31-32]. И хотя имя Никольского не было названо, есть все основания предполагать, что и его имел в виду новый ректор в своем гневном обличении.

На протяжении 1929-1930 учебного года Н.М.Никольский несколько раз болел. Сохранилась его докладная записка на имя декана Педфака, его старого сослуживца Е.Успенского⁹, в которой Николай Михайлович писал: «Я предполагал 24/II приступить к занятиям даже просил канцелярию сделать об этом объявление; но проф. Кроль решительно этому

---

⁸ Любопытный момент, касающийся В.И.Пичеты – в этом деле объемом 740 листов его фамилия встречается в двух документах – в названном протоколе общего собрания сотрудников от 11 октября 1929 г. и в акте увольнения Пичеты со службы, датированном 9 декабря 1930 г., где причина увольнения указана как: «у сувязі з яго арыштам за антысавецкую дзейнасць» [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 411. Л. 692]. Поражает, как изменилось отношение к сотрудникам с приходом нового ректора – Пичета не услышал слов благодарности ни на собрании, ни на последовавшем вскоре заседании Правления, на котором он попросил научную командировку в Москву и Ленинград на четыре месяца [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 374. Л. 5-6].

⁹ Два года они оба выполняли обязанности заместителей декана педагогического факультета, а затем Успенский был замом и при Никольском-декане.

воспротивился, т.к. еще не все болезненные явления прекратились и продолжил еще на 10 дней электризацию и отдых. Удостоверение проф. Кроля при сем прилагаю» [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 373. Л. 2]. Примечательна резолюция Успенского на обороте записки профессора: “Т.Рыулін! Лічу недапушчальным новую адтэрміноўку лекцый праф. Нікольскага. Трэба выставіць ультыматум, альбо замяніць сэмінарыі Нікольскага іншым чэм нібудзь” [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 753. Л. 2об].

История эта получила продолжение. В подаваемых на стол ректора списках пропустивших занятия и срывавших таким образом учебный процесс преподавателях Никольский стал фигурировать на «почетном» первом месте. Так, в документе под названием “Весткі аб сарваных занятках пасля зімовых вакацый па пэдагагічнаму факультэту Б.Д.У” [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 373. Л. 49-51]¹⁰ указываются преподаватели, пропустившие занятия, количество часов и человеко-часов (умножали количество студентов на курсе на пропущенные часы), а также причина пропусков. Важно, что составители списка (скорее всего, сам Успенский) не отличали уважительные причины от неуважительных. Скажем, профессор Смолич на 2 курсе пропустил 4 часа из-за командировки, согласованной с ректором¹¹.

Причина пропусков занятий Н.М. Никольским указана “хворы”, но по приписке ясно видно, как к этой причине относятся в деканате: “нэурастэнія, якая не парешкаджае яму хадзіць па вуліцы і па гораду” [Там же, Л. 49-51]. В итоге за февраль месяц на одного только Никольского пришлось 898 человеко-часов пропущенного времени, что составило более 10 процентов от всех пропусков факультета (8030 ч.ч.).

Неудивительно, что это могло считаться проявлением “саботажа” со стороны старого профессора, начинавшего свою работу в БГУ с опальным ректором. Впрочем, документы ничего не говорят о том, какими были последствия для Н.М.Никольского за эти пропуски занятий.

А вот спустя год в сходной ситуации появился приказ за номером 12 от 3 февраля 1931 г. декана Педфака Рудницкого¹², на основе которого ректор объявляет Н.М.Никольскому выговор за пропуск 6 часов занятия [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 934. Л. 10]. Бухгалтерии было поручено взыскать с Никольского зарплату за эти часы, что составило в итоге 90 рублей (карандашная приписка). Вместе с Никольским выговоры получили А.Гальперина и Совсун¹³ (у каждого по 4 часа и 33 рубля 32 копейки вычетов из зарплаты).

И как усмехается история – в феврале же 1931 г. «нарушителя трудовой дисциплины» избирают действительным членом БАН, и он

---

¹⁰ Речь идет про занятия в феврале 1930 года.

¹¹ Скорее, тут можно вести разговор о плохой работе деканата, не сумевшего заменить занятия отсутствующих преподавателей.

¹² Был назначен деканом приказом НКП БССР 25 декабря 1930 г. вместо Е.Успенского.

¹³ Инициалы в акте не приведены. Можно лишь предполагать, что это Василий Совсун, русский литературовед, сведения о котором чрезвычайно скудны. Он преподавал в МГУ и, по отдельным упоминаниям, наездами читал в БГУ. Иногда упоминается как жертва репрессий 30-х годов.

переходит на постоянную работу в Академию¹⁴ (апрель того же года). Думается, что для этого у него было много причин, кроме полученного выговора с удержанием зарплаты.

Во-первых, работа в БАН казалась гораздо более безопасной по сравнению с обстановкой, воцарившейся в БГУ.

Во-вторых, подходили сроки перехода в преподавании на белорусский язык – профессорам Никольскому и Перцеву нужно было перейти на него в преподавании с 1 октября 1931 года (хотя ранее сроки их перехода оставались открытыми) [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 428. Л. 145]. И тут стоит отметить, что за 10 лет преподавания в БГУ Н.М.Никольский так и не перешел на белорусский язык, более того, в документах архива я обнаружил только один текст, записанный профессором на белорусском языке – коротенькая строчка в одном из списков сотрудников факультета. Уход в академию позволял избежать перехода на белорусский язык.

В-третьих, его, возможно, не прельщала перспектива оказаться профессором не университета, а педагогического института, о создании которого на базе педфака заговорили в 1931 года. Оставаясь по совместительству профессором БГУ, в августе 1931 г. он был переведен в число сотрудников Высшего педагогического института, однако к тому времени за ним оставались лишь занятия на заочном отделении, о чем он и говорит в своей автобиографии 1935 г.: «С 1931 г. сосредотачиваюсь почти исключительно на научной работе, так как по состоянию моего здоровья мне пришлось прекратить чтение лекций, оставив за собой только лекции на заочном секторе ВПИ» [НА РБ, Ф. 205. оп. 1. Д. 145. Л. 4].

Однако можно констатировать, что каковы бы ни были мотивы, по которым Н.М.Никольский предпочел работу в системе Академии наук, это решение себя оправдало – на протяжении 30-х годов он становится одним из наиболее влиятельных историков Беларуси, возглавив в 1937 г. Институт истории АН БССР и избежав репрессий того времени.

Литература:

1. *Никольский Н.М.* 1923: Религия как предмет науки. Минск,
2. *Никольская Р.А.* 2013: Воспоминания. Харьков,
3. Памяць і слава 2006: Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921-1941 / склад.: С.М.Ходзін, М.Ф.Шмейка, А.А.Яноўскі. – Мінск, 383 с.
4. Труды БГУ 1922: Труды Белорусского Государственного Университета в Минске. № 2-3.

---

¹⁴ Тут также следует указать на противоречия в документах. Так, в монографии, посвященной Институту истории НАН со ссылкой на архив АН, указано, что в 1930 году, в начале октября, Н.М.Никольский был переведен на полную ставку [ЦНА. Ф.1. Оп.1. Д.6. Л.117]. А в документах БГУ запрос из БАН на предоставление его трудовой книжки зафиксирован только в апреле 1931 года [НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 428. Л. 140]